

Глава 25. Решение

Четверти часа для столь тяжелой раны было катастрофически мало. Однако на сей раз Ли Цинжюю не пришлось ни о чем просить — лекарь Люй сам обратился к стражнику.

Конвоир, будучи местным уроженцем, когда-то обязан был лекарю спасением своей матери. И хотя с простым людом он вел себя сурово и заносчиво, к лекарю Люю питал искреннее почтение, а потому согласился продлить время без лишних споров.

Тем временем Ли Цинжуй уже успел выслушать печальный рассказ Цзян Липина.

Батальон, в котором служил Цзян Цун, сопровождал в столицу ценный груз — подарочный шелк из провинции Хунчжоу. Во время привала на почтовой станции несколько солдат, вопреки строгому приказу, тайком протащили в хранилище вино. Захмелев, они неловко опрокинули масляную лампу, и в мгновение ока вспыхнул пожар.

Шелк занялся как порох. Когда остальные почуяли неладное, спасти было уже нечего. Но худшее ждало впереди: пламя перекинулось на соседние склады, где хранилась даньская бумага из Хучжоу. В итоге достояние двух провинций обратилось в пепел.

Трое из десяти дежурных солдат сгорели заживо, остальных семерых казнили без промедления. Всех же прочих воинов батальона за преступную халатность приговорили к вечной ссылке на Крайний Север, запретив им под страхом смерти когда-либо покидать эти суровые края.

В Великой Лян существовало четыре направления ссылки: крайний юг и север, восток и запад. Согласно неписаному правилу «южан шлют на север, а северян — на юг», уроженцев Хунчжоу погнали в ледяную глушь — к Пограничному городу.

Колонна каторжан вышла в путь в начале осени. Спустя месяц они добрались до провинции Бинчжоу. Несколько дней назад, когда они проходили по тракту мимо густого леса, на них внезапно вылетело стадо диких кабанов.

Разъяренные вепри сеяли хаос, топча и разрывая людей. Цзян Цун, пытаясь отвлечь животных от товарищей, принял удар на себя. Из-за тяжелой канги, сковывавшей движения, он не успел увернуться, и острый клык вспорол ему бедро.

Конвой гнал арестантов беспощадно, заставляя проходить по пятьдесят ли в день. Смерть узника в пути не считалась оправданием для задержки. Раненый шел, преодолевая страшную боль, пока состояние ноги не стало критическим. Цзян Липин и остальные уже не чаяли увидеть друга живым, и встреча с семьей Ли стала для них истинным чудом.

Услышав, из какой семьи пришли неожиданные спасители, Цзян Липин понимающе кивнул:

— Кажется, я припоминаю... Цзян Цун рассказывал. Это ведь вы везли ребенка на лечение в Хунчжоу и по пути наткнулись на разбойников?

Ли Цинжуй поспешно закивал, подтверждая догадку. Договорить им не дали — стражник уже начал настойчиво выпроваживать посетителей.

Цзян Цуна, чьи раны были очищены и перевязаны, унесли обратно в камеру. Ли Цинжуй и Цзян Липин едва успели попрощаться; старший брат Ли лишь пообещал позже передать лекарства и умолял товарищей присмотреть за пострадавшим.

— Об этом не беспокойся! — крикнул Цзян Липин уже из-за решетки. — Мы с ним братья по оружию, к тому же он пострадал, защищая нас. Мы расшибемся в лепешку, но не оставим его...

Тяжелая дверь захлопнулась с глухим грохотом, и в темнице вновь воцарился мрак. Цзян Липин протянул руку, коснувшись лба друга — жар всё еще не спадал. Мужчина бессильно опустился на холодный пол.

Запах свежих снадобий едва уловимо витал в вонючем воздухе камеры, но он был слишком слаб, чтобы заглушить смрад тлена.

В тишине слышались чьи-то сдавленные рыдания:

— Брат... братец Цзян... неужели он...

Слово «умрет» так и не было произнесено, но каждый в камере понимал: воину вряд ли суждено добраться до места ссылки. Даже если сегодня чудодейственные мази собьют лихорадку, как он сможет преодолеть еще две тысячи ли с изувеченной ногой?

За Бинчжоу на севере начинались безлюдные пустоши. Путь туда был полон опасностей и кишел диким зверем. Даже здоровые мужчины не знали, выживут ли они в этом переходе, что уж говорить о калеке, чьи силы таяли с каждым часом? Бессилие перед страданиями товарища и страх перед неизвестностью сковали узников могильным молчанием.

Когда семья Ли покинула ямэнь, лекарь Люй и Ли Цинчжо немедленно отправились в аптеку готовить отвары. Стоило Ли Цинвэню поведать родным о судьбе благодетеля, как матушка Чэнь залилась слезами.

— О горе! — причитала она. — Какая беда обрушилась на доброго человека!

Ли Цинжуй хранил молчание, насупив густые брови и погружившись в глубокое раздумье.

Ли Цинвэнь, чье сердце еще в темнице сжалось от боли, заговорил глухо, но решительно:

— Лекарь Люй сказал: опоздай мы хоть на день, и спасать было бы уже некого. Даже при должном уходе ему нужно лежать месяца три, чтобы встать на ноги. А завтра конвой погонит их дальше. Без лекарств, без теплой одежды... он обречен.

Госпожа Цзян, бледная как полотно, прошептала:

— Что же нам делать? Как помочь?

Ли Цинвэнь опустил голову, и перед его глазами снова возникли те ясные, пронзительные глаза из сна.

— Сейчас он — преступник в кандалах, — произнес юноша. — Его воля ограничена законом. Если рядом не будет никого, кто мог бы позаботиться о нем, он не доберется до Севера живым.

При этих словах старший брат резко вскинул голову:

— Сынок, ты...

— Я хочу проводить брата Цзяна до Пограничного города, — твердо ответил Ли Цинвэнь.

Матушка Чэнь и госпожа Цзян ахнули и зарыдали в голос. Они только что осознали, что Пограничный город находится в двух тысячах ли отсюда. Это было невообразимо далеко.

Ли Цинжуй тяжело выдохнул, и на его лице отразилось сложное чувство — смесь тревоги и гордости. Он с силой хлопнул младшего брата по плечу.

— Молодец, Цинвэнь! Истинный сын семьи Ли! В тебе есть мужская стать! — Он тяжело задышал от волнения. — Но путь этот долог и полон невзгод. Одному тебе ни за что не справиться. Я пойду с тобой!

— И я! Я тоже пойду! — встрял Ли Цинфэн, не желая оставаться в стороне. — Отец учил нас никогда не забывать о долге. Цзян Цун в беде, и мы не можем бросить его на произвол судьбы!

Видя решимость сыновей, матушка Чэнь рыдала еще сильнее, но не могла вымолвить ни слова протеста. Она знала: будь отец здесь, он поступил бы так же. Этот человек спас три жизни в их семье, и оставить его сейчас было бы верхом неблагодарности.

Высказав то, что томило его душу, Ли Цинвэнь почувствовал небывалое облегчение. Он бережно вытер слезы с лица матери.

— Матушка, не плачьте. Вспомните отца: он в молодости уходил еще дальше, и не только

вернулся целым, но и обрел верных друзей...

— Верно, верно! — Ли Цинфэн буквально светился от предвкушения. — Отец и старший брат повидали мир, а я дальше уезда и носа не казывал. Самое время и мне себя испытать!

Матушка Чэнь, глядя на его безрассудство, не выдержала и отвесила сыну звонкую оплеуху.

— Ты хоть понимаешь, сколько лишений претерпел твой отец на чужбине? А всё туда же — зубы скалить!

— Вот потому и надо идти, чтобы всё самому узнать! — огрызнулся четвертый брат, уворачиваясь от новой затрещины.

Семья Ли через многое прошла из-за младшего сына, и матушка Чэнь, утерев слезы, принялась рассуждать здраво:

— Если идти, то старший обязательно должен возглавить этот поход. Путь неблизкий, одного я тебя не пущу. А что до Цинфэна и Цинвэня...

— Пойду я! — отрезал Ли Цинвэнь. — Матушка, вы забыли? Раньше я часто сопровождал дедушку, отца и брата в поездках. Я справлюсь... Отец и третий брат сейчас в отъезде, дом нельзя оставлять без присмотра. Пусть четвертый брат остается.

Матушка Чэнь колебалась. Ей казалось, что младший сын куда слабее и нежнее четвертого, а впереди зима, и дорога будет изнурительной. Ли Цинфэн протестовал, требуя взять его, но Ли Цинжуй оборвал его одним взглядом.

Старший брат понимал: когда-то Цзян Цун принял за Ли Цинвэня удар ножа, и этот долг крови юноша должен вернуть лично.

Раз решение было принято, следовало немедленно приступить к делу. Первым делом нужно было раздобыть подорожные грамоты — без этого официального разрешения на свободный проезд их схватили бы за первым же постом.

Грамоты выдавались в ямэне, но для их оформления требовалось личное поручительство сельского старосты. Значит, нужно было срочно возвращаться в деревню за Го Дацюанем. Поскольку Ли Маосяня не было в городе, всеми делами заправлял старший сын.

Когда он уже собирался в путь, матушка Чэнь окликнула его. Голос её, охрипший от слез, дрожал:

— Сын, возьми все деньги, что есть в доме. Если не хватит — иди ко второму дедушке, проси в

долг... Вас не будет несколько месяцев, нужно собрать теплую одежду, припасы... Эх, ладно, я сама с тобой поеду!

Матушка не могла усидеть на месте и решила лично проследить за сборами. Госпожа Цзян поехала с ними. Маленьких Лян-ляна и Мин-эра оставили в городе под присмотром братьев — негоже было таскать детей в такой спешке туда-сюда.

Вскоре пришел Ли Цинчжо с лекарствами и кашей. Поговорив с братьями, он передал еду и снадобья стражнику, чтобы тот отнес их в камеру. Уставшие и проголодавшиеся после всех потрясений, младшие Ли отправились перекусить лапшой. У Ли Цинвэня кусок не лез в горло, но он заставил себя съесть почти целую миску — ему предстоял долгий и трудный путь, и силы были необходимы.

Слушая об их решении, Ли Цинчжо нахмурился:

— Идти должен я. Вы ведь ничего не смыслите в лечении ран. Что вы будете делать, если в дороге случится беда?

— Это ты обсудишь с Ли Цинжум, — ответил Ли Цинфэн, жадно прихлебывая горячий бульон.
— Если он не согласится, ты никуда не поедешь.

Нанятый экипаж помчался в деревню Тополиная, привлекая любопытные взгляды селян. Стоило Ли Цинжуй ступить на родную землю, как он, не дожидаясь полной остановки, прыгнул и бросился к дому старосты, но того не оказалось на месте.

— Твой дядя ушел ко второму дедушке! — крикнула вслед тетушка из клана Го.

Ли Цинжуй развернулся и побежал к дому Ли Бэньшаня. Во дворе толпился народ. Ли Маоцюня, окруженного соплеменниками, в чем-то настойчиво убеждали. Среди собравшихся был и староста Го Дацюань.

— Дядя, вы мне срочно нужны! — Ли Цинжуй подошел к старосте. — Мне нужно уехать по очень важному делу, прошу вас, пойдите со мной в ямэнь, поможете оформить подорожные.

От спешки он говорил громко, и все во дворе обернулись к нему, засыпая вопросами о цели поездки.

— Нужно проводить друга до Пограничного города... — уклончиво бросил он.

Го Дацюань знал, что Ли Цинжуй — человек серьезный и на ветер слов не бросает, а значит, дело и впрямь не терпит отлагательств. Староста немедленно направился к выходу.

Едва Ли Цинжуй развернулся, как дядя Маоцюнь догнал его и схватил за руку:

— Племянничек, я еду с вами!

Ли Цинжуй опешил.

— Дядя Маоцюнь, это слишком далеко! Дорога опасна, я не могу так рисковать вами.

— Нечего бояться! — в глазах мужчины горел неистовый огонь. — Уж лучше сгинуть на чужбине, чем оставаться здесь. Если я проведу в этом доме еще хоть час, я либо умру от ярости, либо сойду с ума!

Ли Цинжуй в замешательстве взглянул на старосту. Тот лишь тяжело вздохнул:

— Только вернулся — и сразу в драку. Ушел в горы, жил в лесу в такой холод... Твой второй дедушка только утром об этом узнал, едва нашли его...

— В этом доме мне жизни нет! — прошипел Ли Маоцюнь сквозь зубы. — Клянусь, лучше смерть в пути, чем возвращение назад!

Дядя был человеком упрямым, и Ли Цинжуй понял, что переубедить его сейчас невозможно. Пришлось позволить ему идти следом, надеясь образумить родственника позже, когда официальные дела в городе будут улажены.

<http://bllate.org/book/15828/1435651>